

18+

Владимир Кулаков

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ

ПРОДОЛЖАЕТСЯ...

Владимир Кулаков

Представление продолжается...

«Издательские решения»

Кулаков В.

Представление продолжается... / В. Кулаков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-984173-5

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Какая она — судьба жонглёра? Нелёгкая романтика кочевья... Цирки, города, вагоны, самолёты. Премьеры и окончания. Размышления, расстояния, расставания — под стук колёс. И радостные встречи — под гром аплодисментов. Чистая, пронзительная любовь — любовь к жизни. Автор открывает читателю не только тайны цирка, но и свою душу, делится самым сокровенным, заставляя плакать и смеяться, пока представление продолжается...

ISBN 978-5-44-984173-5

© Кулаков В.

© Издательские решения

Содержание

Представление продолжается	6
ПАРАД-ПРОЛОГ	7
* * *	13
--X--	19
--X--	20
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Представление продолжается...

Владимир Кулаков

Михаил Юрьевич Щербов *Дизайнер обложки*

© Владимир Кулаков, 2020

© Михаил Юрьевич Щербов, дизайн обложки, 2020

ISBN 978-5-4498-4173-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Представление продолжается

Моей девчонке с рыжими глазами и моим сыновьям посвящаю...

Увертюра

Меня ещё не было.

Но уже точно Знал, что я – Буду...

Я ещё не представлял, как выглядит белый свет.

Но Знал точно – что обойду Земной шар...

Я ещё не родился.

Но представлял – как сделаю свои первые шаги по манежу...

Всё ещё было впереди.

Но я уже Знал – что встречу тебя и продам свою душу дьяволу Любви...

Я дерзнул Знать больше, чем того позволяют боги.

И за это они меня приговорили к высшей мере наказания... – к ЖИЗНИ!

* * *

Взял Творец в руки циркуль, очертил большой круг, – получился Цирк.

Круги по кругу – прожектора.

Ещё несколько маленьких кругов, – получился жонглёр.

Тысяча мельчайших кружков, – лица зрителей.

Круглый звонок трелью, – начало! И закружилось всё в круглом водовороте.

Круглые литавры, круглые барабаны, круглые жерла труб и саксофонов, круглые щёки музыкантов, – оркестр.

Круглые спины слонов, круглые кони по круглому манежу.

Круглые маски клоунов, круглые сальто акробатов. Круглые глаза, круглые рты, круглые ладони о ладони.

Круглые мячи, круглые кольца, круглое сердце вскачь по бешено вращающейся круглой планете. Круги, круги перед глазами...

Стоп! Сломался грифель.

...Взял Творец в руки циркуль...

I-е отделение

Аверс

ПАРАД-ПРОЛОГ

«Мои падежи»

И. Кулаков Владимир Александрович.

Р. Десять лет спустя после войны.

Роддом четвёртый, под Петровским сквером,
где некогда Петра стояли корабли.

Д. Мне подарили жизнь под знаком «скорпиона».

И седовласый доктор напророчил мой удел.

В. Весенние ручьи, отец и мать. И Дон...

Поляне-русичи. Воронеж. Черноземье.

Т. Я гистрион, я странник, лицедей.

Жизнь цирковая мне – отрада.

П. Я не жалел и не жалею ни о чём.

Да, я – бродяга.

Что ж, —

значит, так и надо.

* * *

Завидую поэтам и писателям, у которых дома есть кабинет или уголок, в котором они творят.

Там всё – пишущая машинка, ручки, блокноты, книги – имеет свои постоянные места.

Привычная обстановка и уют располагают к творчеству.

Я мечтаю о постоянном доме.

В моём распоряжении только цирковые гостиницы...

Мой стол завален мятой, исписанной бумагой, словно верстак плотника – ворохом стружки, здесь порой клочок случайной бумаги и огрызок карандаша могут оказаться мудрее пухлой коленкоровой тетради и ручки с золотым пером. А расшатанная гостиничная койка дарит удивительные цветные сны...

Я езжу, езжу, езжу... Брожу по свету, словно ищу Что-то...

Каждые месяц-два – новый город, новые знакомства, новый цирк. Новые ощущения. Всё по-новому, как в первый раз...

Мои впечатления умещаются в узких строках машинописного текста, и получается нечто вроде репортажей.

Это репортажи кочевой жизни.

О любви. И обо всём, что нас, цирковых, окружает.

Это лирические миниатюры о цирке. О его людях. Обо мне.

Это – репортажи моей души.

* * *

Цирк – искусство искреннее.

Искренность в пластике рук, – ибо руки не лгут.

Она в загнанном от перегрузок сердце.

Но цирк двулик.

Ты, Зритель, видишь парадную сторону, – наши улыбки, наш успех.

Это – «Аверс»...

Мы тщательно прячем вздувшиеся вены и жилы. Крепимся, улыбаясь, когда больно. Выходя к Тебе, будничное, вчерашне-сегодняшнее, оставляем за кулисами.

Грим и блёстки скрывают то, что зовётся «Реверсом». Это наше, сокровенное. Иначе, какие же мы лицедеи, чародеи-волшебники.

«Реверс» – «Аверс», проше – «Решка» – «Орёл». Как у монеты. К тебе эта монета падает всегда одной стороной.

Иначе ей – грош цена.

* * *

От кукольного театра цирк отличается тем, что в нём нет ни одной ширмы.

Мы, цирковые, всю жизнь играем самих себя. Самая трудная роль...

Манеж, как распротёртая ладонь, открывает все достоинства твои и удесятерит силу твоих же недостатков.

Здесь, на дне этой тринадцатиметровой чаши, нет ничего, что могло бы скрыть твою суть.

И пусть наши души прикрывает улыбка профессионала, а суть тела скрыта под лучезарными блёстками, – Его Величество Зритель всё видит.

Ведь от кукольного театра цирк отличается тем, что в нём нет ни одной ширмы.

* * *

Кто же они – Цирковые?..

Какие Они?..

Я работаю с ними и живу среди них.

Но не могу ответить на эти вопросы: кто Они, какие Они?

...Сейчас его мышцы сократятся, станут упругими, словно струна, – и тело зазвучит, как совершенный музыкальный инструмент, заработает, как хорошо отлаженная машина.

Каждый рельеф – кусочек смальты из мозаики развитого тела. Каждое движение, – будь то взмах руки или рывок на трапеции под купол, – это музыка. И она звучит! Звучит в теле гимнаста и в сердцах зрителей.

Ещё час назад тело томилось под рубашкой, брюками, пальто. А сейчас – это ожившая античная скульптура, торжествующая под куполом.

Но цирк есть цирк.

Однажды тело воздушного гимнаста вылетает за предел спасительной сетки-страховки...

Надо иметь мужество, чтобы выйти на манеж и продолжить представление. После Этого.

Даже если ты не «воздушник», а «наземный» клоун или жонглёр.

И Они выходят.

Мотаются по свету, кляня судьбу. Летают и падают...

Вот такие они – Цирковые.

* * *

Арлекины XX века!

Надо смеяться, когда хочется плакать!

Надо плакать, когда хочется смеяться.

Надо умирать, когда безумно хочется жить!..

* * *

Я – король.

В моём цирковом королевстве есть всё: непокорность и послушание, праздники и будни, победы и поражения. Но никогда не бывает предательства и измен.

Королевство моё маленькое – всего пять обручей...

* * *

Когда Ты в центре манежа,

когда стальные лучи прожекторов впиваются в Твоё незащищённое тело, —

от немоты зрительного зала, от неудачи,

пусть хранит Тебя высшее начало – АРТИСТ.

Когда Твою измученную плоть уносит в ночь старенький цирковой фургон и Ты мечтаешь о лучшей доле, —

пусть Тебя, артист, поддержит Твоя – ВЕРА.

А когда Твоей душе не на что опереться и она готова разбиться, как фарфоровая тарелка жонглёра, —

пусть Тебя спасёт – НАДЕЖДА...

И чья-то ЛЮБОВЬ.

* * *

На улице бушевала весна.

Солнце, дурачась, пряталось в плюшевых облаках. Выглядывая, оно кричало миру: «Весна-а!..»

Внутри цирка тоже буйствовала весна.

Она гремела аплодисментами, полыхала пожаром тюльпанов и сирени.

Прожектора, куражась, щекотали своими лучиками ресницы артистов. И у тех влагой блестели глаза.

Грудь распирала неведомая сила.

Сегодня акробаты прыгали выше. Угрюмые тигры были ласковы, как домашние кошки.

А бурый медведь полез обниматься к дрессировщику.

У всех цирковых сегодня был КУРАЖ.

Что это такое?

А кто его знает...

Вихрем вылетел на манеж жонглёр. Его кольца, как кордебалет, скакали, прыгали, выписывали причудливые па в воздухе и на манеже.

Жонглёр сегодня был полон сил и вдохновения. Всё в нём било через край. Силе его стало тесно в мышцах, а кольцам – в цирке.

Они вырвались из рук жонглёра, пробили купол и рванулись в небо. Зрители ахнули: «Вот это трюк!»

В брешь заглянуло весеннее солнце и, хитро улыбаясь, сделало жонглёру «нос».

Что такое цирковой КУРАЖ?

Наверное, это весна...

* * *

Скоро третий звонок...

Вновь марафон длинной в день.

Четыре представления.

Грим занимает привычное место на лице. Пудра скрывает морщины и усталость.

Скоро третий звонок... – бесстрастный удар колокола, как на старте ипподрома.

...Пегие, гнедые, серые, в яблоках-блётках...

Бега, бега, галопы.

Борьба за супер-приз – быть фаворитом забега.

Таков, видимо, удел всех лошадей.

Скорость, скорость...

Сзади молодые, крепкие, жаждущие победы.

Игра честная, без компромиссов, без «тёмных лошадок».

Нервы тетивой, пена у губ, крики, аплодисменты.

Цель – Победа. Только победа, без скидок на возраст и масть...

Немного кофе, и рывок...

Четвёртый забег.

Ну, а сердце?

Что ж, сердце, – оно своё дело знает, – гонит упругими толчками кровь до звона в ушах.

Придёт время – остановится, когда не будет сил бить в грудь навывлет. А пока – бег!..

Второй и третий звонок.

Гонг...

Главное – рвануть с места, сейчас, и потом, на финише, чтобы желанная лента обожгла грудь.

Бег, бег... по кругу.

* * *

Третье представление за день.

Ещё полчаса – и можно будет сесть на корточки под упругой струёй душа, закрыть глаза и замереть. Раствориться в воде, вместе со своей усталостью.

Ещё полчаса...

Дирижёр, как большая седая чайка, плавными взмахами парит над манежной суетой.

Мы внизу. Он вверху.

Он обрамлён гигантской рамкой оркестровой раковины, из сумрака которой мерцают усталой медью бемоли и диезы.

Ещё полчаса...

Дирижёр воздевает руки к куполу, с сочувствием смотрит на нас, грешных, тех, кто внизу.

Готовится вновь дать сигнал к действию.

Теперь он, как Владыка на амвоне. Владыка цирка...

А мы – сгорающие свечи на тринадцатиметровом алтаре.

Ещё полчаса...

* * *

Тридцать девять и две...

Самое страшное – слабость. И сердце...

Пустяки. Год назад работал, когда было под сорок. И тоже было сердце...

Надо отработать, надо!

В программе не хватает номеров. Ребятам трудно. Если я отрекусь, кому-то придётся тянуть метраж.

Надо. Ещё разок. А потом – быстро в постель...

Ну, соберись.

Алле-й!..

Дирижёр перевернул нотную страничку, вздохнул, прицелился и выстрелил знакомой музыкой прямо в сердце.

Всё, отступать некуда. Вперёд!..

Тридцать девять и две...

Тридцать восемь и пять...

Тридцать семь и одна...

– Володя! Твой выход!

Тридцать шесть и шесть...

– Иду!..

* * *

– Ты кто?

– Жонглёр.

Жонглёр с обручами. Большими металлическими кольцами.

От них руки по ночам горят мозолями.

– Больно?

– Больно.

– Тяжело?

– Конечно.

– Ты...

– Нет! Я счастлив. Очень.

Я сам себя обрёл на Это. Я обречён... Обручён...

Я обручён с Цирком своими кольцами-обручами.

Обручальные кольца с терновым венцом в тринадцать метров...

* * *

– До конца моего номера остаётся *4 минуты*...

– Который день работаем по три представления! Удивительно тяжёлыми кажутся обручи. Внимательней! Что-то сегодня левая рука фокусничает.

А зритель в зале хороший, щедрый на аплодисменты.

– Остаётся *3 минуты*...

– Ну и денёк сегодня! О чём это я? Ах да... Утренние картины перед глазами: голова не отрывается от подушки, слабость, боль в висках. Еле собрал себя по постели. «Склеил», заставил подняться. Зарядка – некоторое облегчение. Надо собраться – сегодня три представления. За окном хмурое утро с мокрым асфальтом и туманом. Машины едут с включёнными фарами.

– Осталось *2 минуты*...

– Этому марафону не видно конца.

Левая рука слабеет – посторонние мысли вон! Повторить трюк не хватит сил, значит – собранность и внимание!..

Остаётся *1 минута*... *Начинается самое трудное*...

– Дойти, преодолеть себя!

Работа, – честная, без халтуры. Преодолеть себя, своё «я», которое уже жалуется на усталость, на отсутствие внутреннего потенциала.

Он есть, я-то знаю!

Он всегда где-то есть, даже если темно в глазах, и когда, словно огромный корабль на волнах, качается под тобой манеж. Когда кренятся вправо-влево его мачты, верёвочные лестницы, тросы и когда купол вздувшимся парусом опрокидывается на тебя.

Он есть – когда цветное кольцо прожекторов и беспощадный колючий свет неоновых пушек рождает перед глазами миражи.

Он обязательно есть – когда напряжённо молчит зритель, и нет аплодисментов. Когда слёзы досады и искусанные губы мешают точному броску.

Он появляется в критический момент – когда сердце бешено колотится от темпа, а внутри – какая-то сжатая пружина. Но зрители видят только лёгкость движений и сияющую улыбку.

Они не видят только одного – как за кулисами ты упадёшь в руки друзей.

Им не надо этого видеть и знать.

Это наше, сокровенное!

Мы – профессионалы. Значит, каждый день – дуэль, со зрителем, с собой, – честная, в которой мы обязаны победить!

Иначе – для чего всё это?

– Последний трюк, ещё немного. Ну, вот и всё, – победа...

– Вот такая у нас работа.

Вот такие они – «Аверс – Реверс».

* * *

На круглом лепестке манежа капли горячей росы – то слёзы моей сегодняшней неудачи. Стонет саксофон в оркестре, вторя грустными нотами звону моих обручей.

Кончится представление, я зарю свою боль в опилки, и униформисты разбросают её граблями по всему манежу. – Пусть она никому не достанется!

* * *

Что такое звёздный час?

Может, это – когда тебя узнают всюду и показывают на тебя пальцем?

Или когда фамилия становится – именем?

А может, когда сердце вразнос и обручи вразлёт?

Скорее, когда звон железных колец совпадает с биением сердца. Тогда – победа! Тогда недалеко и до звезды, хотя бы на час, на миг...

* * *

Памяти Н. Л. Ольховикова

и А. Н. Кисс

– Не упади, прошу тебя...

Каждый «завал» – падение жонглёрского предмета на ковёр манежа – это лопнувший капилляр в сердце жонглёра.

– Заклинаю тебя, не упади!

Я столько репетирую, чтобы этого не случилось! Не упади!..

Лопаются, лопаются, лопаются...

– Проектора мои, софиты, удержите Их. Сейчас всё зависит от силы вашего света, от милосердия неоновых пушек.

Я надеюсь на ваш свет, как на последнюю опору.

Удержите моё сердце от взрыва!

Не упади... те!..

Лопаются...

Лопаются тонюсенькие красные нити...

– Не надо падать, пожалуйста.

Мне больно потому, что держу вас над манежем своим сердцем...

Жонглёры умирают на удивление одинаково – когда делают последний в своей жизни «завал»...

Сердце, оно такое маленькое.

* * *

Кольца оттолкнулись от рук жонглёра и с весёлым звоном устремились вверх к куполу.

Жонглёр, хоть и улыбался, но глаза его стали напряжёнными.

– А-а, испугался?.. Боится, что мы его бросим!

Кольца, дурачась, вновь и вновь отталкивались от тёплых рук жонглёра, взлетали вверх, но каждый раз возвращались. Каждый раз сердце жонглёра учащённо билось, глаза становились напряжёнными. Он очень боялся, что кольца однажды взмоют к куполу и не вернуться.

Иногда кольца не давались в руки жонглёру. Они падали на мягкий ковёр манежа, весело катаясь и подпрыгивая.

Жонглёр очень огорчался. Тогда кольца торжествовали, догадываясь, что он боится их потерять.

За много лет кольца привыкли к жонглёру, поэтому каждый раз, покидая его, возвращались вновь.

А может они любили друг друга?..

Кто их разберёт. Они такие разные.

Кольца были сделаны из холодного металла. Жонглёр – из огорчений и тёплых надежд.

* * *

Хусаиновой Р.

Униформисты натянут тетиву стального троса. Старый «шпрех» привычно извлечёт из колчана программы стрелу твоего номера. Маэстро даст сигнал волшебными аккордами.

И будет твой полёт!..

Ты вонзишься в чьё-то нежное сердце, раня его своим отточенным совершенством. Оно будет пульсировать аплодисментами, и умирать от боли пережитого восторга.

* * *

Аплодисменты бывают разными.

Иногда они, как шторм, – бурлят, пенятся, накатываются волной, кружа голову и взвинчивая нервы.

Иной раз – как хлопья снега в новогоднюю ночь – длинные, спокойные, но желанные.

Бывают аплодисменты, как звук крыльев взлетающего голубя, одинокого «дикаря».

Так хочется закружить «хлопья» бураном. А одинокого «дикаря» приручить и согреть у сердца.

* * *

Фокусник объявил:

– Почтеннейшая публика!

Я обладаю уникальным даром – становится легче воздуха и взлетать к куполу цирка.

Всё зависит от ваших аплодисментов. Чем они сильнее, тем выше взлетаю.

Итак, я начинаю.

Публика с любопытством зааплодировала.

Фокусник зашатался на месте и плавно завис в воздухе.

Зрители зааплодировали ещё сильнее.

Фокусник медленно поплыл к куполу. Он счастливо улыбался, распростёртый в пространстве.

Овации напоминали лавину, шторм, неукротимую стихию.

Фокусник, улыбаясь, закрыв глаза от блаженства, медленно достиг купола цирка.

Любопытная публика резко оборвала аплодисменты...

...Фокусник, широко раскинув руки, лежал на опилках манежа.

Глаза его неподвижно смотрели в купол. Он улыбался...

* * *

Я уношу с манежа цветы!

Я несу их, как если бы нёс в своих ладонях две тысячи сердец: добрых, тёплых, живых...

* * *

– Твой выход, солист.

Распахни форганг-кулисы так, как это делаешь только ты.

Иди. Тебя ждут зрители. Их много сегодня.

Смелее. И помни, я – с тобой...

– Ну, что, устал?

Пошли домой, в твой одноместный номер.

И помни, я – с тобой...

– Что ты ворочаешься? Почему не спишь?..

Одиноко?

– Глупый, спи.

И помни – ты не одинок. С тобой я...

Твоё Одиночество.

* * *

Алле-й!..

Я живу и работаю без страховки.

Каждый день балансирую над пропастью бытия, рискуя сорваться...

Чем обезопасить мне сердце, душу?

Только твоей любовью.

Любовь... Как лонжа, тонкий её трос, который может лопнуть в любую секунду, – всё зависит от пассивовщика.

От того, Кто рядом...

Не дай разбиться моему сердцу о немую твердь предательства, сплющиться о жестокость измены.

Не дай, Бог.

Алле-й!..

* * *

Людские волны отхлынули от цирка...

Скоро вновь прибой, третий за сегодняшний день.

У нас ещё есть время побродить в рыжем лесопарке. Он недалеко, всего в двухстах ударах сердца.

Остановись. Положи свои руки мне на плечи. Осень нас кружит в вальсе...

Точнее, жёлтые листья водят вокруг нас свой нескончаемый хоровод.

А вальс, головокружительный вальс – это наши дороги, гостиничные номера, бесконечные переезды.

Давай присядем вот на этой поляне и послушаем тишину.

Тебе хочется тишины? Вот этой прозрачной тишины, нарушаемой лишь шорохом падающих листьев?

Давай помолчим. Пусть каждый подумает о своём, сокровенном.

Не станем думать сейчас о цирке, о будущих гастрольных городах. Я верю, что у нас их много впереди.

Давай побудем «осёдлыми» хоть эту одну осеннюю минуту. Ты улыбаешься глазами:

– Фантазёр...

Да. Но моя любовь к тебе не фантазия.

Хочешь быть королевой этого леса?

Вот тебе корона... Хорошо в твоей причёске смотрится золото кленового листа.

А вот и мне подарок: старый клён произвёл меня в генералы, – его лист упал на моё плечо.

Стой, не тронь! Это не простой лист, – это золотой эполет генерала осени.

Пора...

Ты что так грустно улыбаешься? Жалко расставаться с этими владениями?

Не грусти. Мы ещё придём сюда.

А сейчас нас снова ждут в тронном зале, моя уставшая королева манежа и осени.

* * *

Гастроли...

Лёгкие крылья Ил-86 несут нас в сказочную Индию.

Вверху ещё светят звёзды, а под нами проплывают седые Гималаи, чуть тронутые лиловым рассветом.

Краски медленно самоутверждаются.

Горизонт постоянно меняет цвета. Из густого фиолета рождается нежная бирюза. Лёгкая коричневая дымка парит над древними хребтами.

Только что родившееся солнце робко выглядывает из-за гор.

Пунцовый шар заливает кровью коричневые вершины. Поднимаясь из-за края земли, солнце поранилось об острые пики Гималаев и теперь движется, оставляя следы не только на горах, но и на лицах прильнувших к иллюминаторам пассажиров. Небосвод светлеет. Под наше дружное «ах» сияющая медь заливает небо и горы.

Рериховский рассвет!..

* * *

На Спасской башне куранты пробили полночь...

С поникшей головой висит в косматом небе Большая Медведица. Самая крайняя звезда – моя.

Точно так же Медведица грустила со мной в Индии.

В полночь она появлялась из-за крыши отеля и подмигивала мне:

– Держись, я рядом!

Приятно видеть свою звезду в далёком, чужом краю...

Однажды, после представления, выехав из Джайпура, мы остановились у железнодорожного переезда. Ждали, пока пройдёт поезд.

Стояла удивительная тишина и на редкость тёмная ночь. Лишь где-то вдалеке мерцали костры погонщиков верблюдов и слонов.

После сезона дождей в небе не было ни пылинки.

Звёзды навалились на нас всей тяжестью мироздания. Я впервые видел такое чёрное небо, подсвеченное туманом Млечного Пути.

Южные ночи всегда загадочны.

Звёзд было непривычно много. Некоторые из них вдруг стремительно падали, мелькнув стальной иглой.

Мгновение – падающая звезда.

Миг – загаданное желание.

Мы стояли у автобуса, заморожено глядя в небо, забыв о раскуренных сигаретах, о сотнях километров пути по раскалённым дорогам штата Раджастан. Скрип поднимающегося шлагбаума вывел нас из оцепенения.

На шпалах узкоколейки светились звёзды...

Мы переглянулись, а через мгновение, придя в себя от небесной сказки, рассмеялись, – на шпалах светились и медленно остывали искры, оставленные топкой паровоза.

* * *

Гастроли, гастроли...

Вот и до нашего Кузбасса докатилось влажное дыхание осени.

За окном бесцветный дождь с жёлтым туманом.

Пахнет коксом, сырыми листьями.

Во дворе цирка режут медведи, только что привезённые с вокзала.

В узких клетках тесно и сыро, – вот и просятся звери к людям.

Невысокий серый забор окружил пирамиду старых опилок цвета прелого лимона и две одинокие клетки, сиротливо мокнущие под бесконечными нитями дождя.

Порывы ветра, балуясь, гоняют по двору скомканную афишу, – то в одну сторону, то в другую.

Я догадываюсь, кто в этой игре победит: – Осень!..

* * *

Светает...

Как в старые, добрые времена (,) пришёл в цирк, когда всё и все ещё спят.

Манеж пустой, цирк без звуков. Только шорохи и чьи-то гулкие шаги, где-то там, наверху, в фойе.

Через два-три часа здесь всё оживёт.

Удивительный момент! Цирк будет просыпаться, как большой сильный зверь, – не торопясь, враскачку.

Придут уборщицы и начнут колдовать в наших гримёрных, электрики включают свет, в буфете загремят тарой, конюхи будут громко кричать: «прими» своим хвостатым подопечным.

Это будет уже скоро: через час, через два... Через целую вечность, которая называется ожиданием.

За окном, в сумраке утра, какой-то псих собирает наш цирковой навоз – видимо, для огорода. А почему, собственно, псих?

Нормальный человек собирает лопаточкой «праздник» лошадей и аккуратно грузит в красные «Жигули».

Я его вижу уже в третий раз.

Тишина, только собака на конюшне воеет. Как у Конан Дойла...

Что с ней? Грустно, что ли?

Скорей бы дневное представление. Там люди, люди...

* * *

В цирке есть поверье – переступившему барьер манежа назад пути нет.

Почему?

Цирк – великий вор. Он крадёт наши сердца. Навсегда.

Прячет их в опилках своего тринадцатиметрового кольца.

А как жить без сердца?

Поэтому из цирка редко кто уходит.

А если и уходит – то очень страдает.

А если не страдает – то у него никогда и не было сердца.

* * *

Памяти Леонида Енгибарова...

В центр манежа, в скрещение двух прожекторов вышел скрипач.

Вместо нот к груди он прижимал большую розу.

Роза была хрупкой и нежной. Как музыка.

Скрипач опустил розу на пустой пюпитр и улыбнулся – аншлаг!..

Он каждый вечер выходил на манеж и дарил свою музыку из розовых нот людям.

Сегодня он играл особенно вдохновенно. Его волосы вороном метались в такт музыке. Смычок жарко шептал что-то скрипке, а она, стоная, отвечала. Шепчущий вздох, стонущий выдох, – трепетная музыка любви...

Скрипач ласкал взглядом розу, а та, благоухая, раскрыла свои алые лепестки, как нежные губы возлюбленной.

Скрипач и его роза дарили людям Музыку...

Раздалось несколько восторженных хлопков и одинокий выкрик: «Браво, маэстро!..» Но эти аплодисменты потонули в гнетущей тишине недоумевающего зала. Зрители рассерженно зашевелились. Зловещий шёпот заполнил амфитеатр.

– Вы что-нибудь слышите? – Вопросили одни.

– На скрипке нет струн! Я не вижу струн! – Роптали другие.

– А где ноты?!..

Бутоны розы закрылись, безжизненно повис.

Скрипач опустил руки и побрёл с манежа.

Лепестки розы опали на цирковой ковёр, как тяжёлые слёзы...

Скрипач на мгновение остановился. Ещё раз оглядел зал. Грустно улыбнулся тому, кто аплодировал. И ушёл.

Большинство людей сегодня так и не поняли его Музыки.

Не всем дано слышать музыку чьей-то души.

Музыку из розовых нот...

- -X-

Ему иногда делалось больно в груди...

Они приезжали, маленькие, смешные человечки в белых халатах. Делали большому человеку укол, хохоча над его большими проделками, и мчались дальше.

Нельзя сказать, чтобы они его любили. Все привыкли к нему, огромному, смешному. Им казалось, что он был, есть и будет вечно.

Ему тоже так казалось.

Но однажды человечки опоздали.

Бело-розовая машина отъехала от цирка медленно, без sireны...

Маленькие человечки сморщились от горя и стали ещё меньше. Они опоздали всего на миг...

Страшную тишину Лилипутии нарушал лишь писк рации, возвещавшей миру о том, что Гуливер смеха умер.

— —X—

...Прощай, Марьяна Роша.
Принимай на вечный постой, Ваганьково...
Музыканты опустили трубы.

– Прощайтесь...
– Кого хоронят, мужики?
– Да говорят, что какого-то известного циркача, клоуна.
– Не циркача, ребята, не циркача. Циркового.
– Какая разница...
– Разница у тебя знаешь где?.. Катись...
– Мам, а мам? А разве дядя Лёня умер?
Разве клоуны умирают?
– Нет, сыночек, нет...

Просто это его самая грустная реприза...

* * *

Ипподром...

Много было нас – вороных, серых в яблоках, пегих, гнедых.

Были чемпионы. Были аутсайдеры.

Был мясокомбинат – финишная наша ленточка.

Но до своей старости доживали лишь средние, которые бегали в толпе, – ни первые, ни последние.

Они хорошие, живучие...

* * *

Шумно вдохнув ароматную свежесть, ты со звонким смехом разбрасываешь цветы, кружась по комнате. Смеёшься и подбрасываешь их. Ловишь на лету, и вновь цветы праздничным салютом взлетают вверх, падая оттуда разноцветным душистым дождём на волосы, плечи, ладони.

Смех твой, смех, – какая сладкая музыка!..

Я ревную к этим цветам, потому что они тебя хоть на мгновение, но отнимают у меня.

Я буду, буду приносить их каждый день, всю жизнь, лишь бы слушать твой беззаботный смех, видеть твоё счастливое лицо.

Сев ко мне на колени, по-детски поджав ноги, ты только сейчас замечаешь, насколько я сегодня устал.

Теперь ревнуешь ты, зная, что в моём сердце вас двое – Ты и Цирк.

Смирись с этим и не грусти...

Подставь свои ладони – я положу на них своё сердце.

Я положу на них весь мир, – и ты будешь самой счастливой из Женщин.

Не беда, что мы смертны. Любовь вечна!

Представление продолжается...

* * *

Аккордом гудки – вокзал.

Стук каблуков – барабанная дробь.

Руки переплелись стеблями.

Ласковый ветер – слова.

Флейта – губы в губы.

Жёлтый флажок – дирижёрская палочка.

Виолончелью – осень.

Пюпитр – плацкарта. Ноты – судьба.

Музыка расставаний...

* * *

Что самое ценное в моей жизни?

Тернистый путь циркового кочевника...

Что самое ценное в моём багаже?

Пишущая машинка, цирковой костюм и жонглёрские кольца...

Что самое ценное в моей душе?

Надежда и Любовь...

Что самое ценное в моей судьбе?

Потери...

* * *

Пятый месяц в Минске.

Осень. Сезон дождей.

Цирк высится серой громадиной. Рядом река. На изгибе моста нет привычных влюблённых. Набережная пуста.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.